

Китайская цивилизация

Автор:

[Марсель Гране](#)

Китайская цивилизация

Марсель Гране

Величайшие цивилизации мира

Китайская цивилизация – пожалуй, самая загадочная для европейского человека. Китай с древнейших времен развивался «неправильно», не так, как западный «цивилизованный мир». Красочная панорама великой истории Китая, которую разворачивает в своей книге признанный классик французской ориенталистики Марсель Гране, послужит внимательному читателю ключом к пониманию и современного Китая.

«Китайская цивилизация» считается основополагающим трудом в синологии. Работа Гране дает целостную картину жизни древнекитайского общества, воспроизводимую в органическом единстве с исследованием китайского менталитета. Ярко описывает различные стороны общественной и частной жизни китайцев, быта людей: труд, семейные и брачные отношения, пища, одежда, ритуалы, обряды, кодексы чести, социальная иерархия, охватывающий все стороны жизни этикет.

Марсель Гране

Китайская цивилизация

Введение

Китайская цивилизация заслуживает большего, чем быть предметом простого любопытства. Она может показаться странной, но – и это факт – в ней запечатлена огромная совокупность человеческого опыта. Никакая другая цивилизация в течение стольких лет не служила связующим звеном для такого множества людей. И тот, кто хочет называться гуманистом, не может позволить себе пренебрежительно относиться к культурной традиции, столь притягательной и насыщенной ценностями, которые выдержали испытание временем.

Похоже, что эта традиция сложилась где-то ко времени Рождества Христова, в эпоху, когда наконец-то объединившаяся китайская земля образует обширную империю. Возникшая в Китае цивилизация сразу же распространяет свое влияние по всему Дальнему Востоку и обогащается благодаря многочисленным контактам. При этом китайцы добиваются осуществления традиционного идеала, определяемого ими со все большей жесткостью.

Они привязаны к нему с такой страстностью, что зачастую представляют его своим важнейшим национальным наследием. Они нисколько не сомневаются в том, что за многие тысячелетия до христианской эры их предки были посвящены мудрецами в жизненный порядок, который и составил их силу. Основой их совершенной сплоченности становится чистота цивилизации первых веков. Наибольшее величие Китая приходится на самые древние времена. Его единство разрушается или восстанавливается в зависимости от того, слабеет ли или набирает силу незыблемый в принципе цивилизационный порядок.

Эти стройные взгляды обладают ценностью догмы, и им соответствует активная вера. Они вдохновляли все попытки исторического синтеза и в течение многих столетий оказывали решающее влияние на сохранение, передачу и восстановление документов: в нашем распоряжении нет ни одного текста, который мог бы считаться нетронутым и выражающим непосредственное мнение его автора. И в тех случаях, когда историки, археологи, истолкователи изображают себя всего лишь экспертами, и даже тогда, когда, казалось бы, их вдохновляет фрондерский дух, на них остается печать преклонения перед традицией. Они определяют события или даты, устанавливают тексты, выявляют позднейшие вставки, классифицируют сочинения не в духе объективной отстраненности, а в надежде сделать еще более явственным как в самих текстах, так и у их читателей осознание идеала, который история не сумела бы

объяснить, ибо он предшествовал истории.

Мы будем руководствоваться иной позицией.

Некогда на Западе рассказывали историю Китая в китайской – или очень к ней близкой – манере, не трудясь отмечать ее догматический характер. Сегодня в Китае пытаются размежевать ложное и истинное в собственных традициях. Западными учеными используются местные критические работы, но при этом они часто забывают упомянуть о предпосылках, из которых те исходят. В общем они оказываются малочувствительными к слабостям чисто литературного толкования истории. Несмотря на критический подход, они лишь в редких случаях осмеливаются признать, что факты остаются неуловимыми.

Достаточно ли датировать текст, для того чтобы содержащиеся в нем суждения сразу же стали доступными для использования? Например, какую действительность открывают китайские документы о древних формах землепользования, если, заняв определенную позицию в отношении их даты и ценности, воздерживаться от признания, что выделяемый земледельцу, по их мнению, участок в пять или шесть раз меньше поля, которое в наши дни считается необходимым для того, чтобы прокормить одного человека в краях с самыми плодородными и лучше всего обрабатываемыми землями? Литературная история обрядности представляет значительный интерес, но разве удастся хорошо ее воссоздать, если обнаруживается, что, во-первых, среди перечисленных как используемые в обрядах предметов ни один – или близко к этому – не был найден при раскопках, а во-вторых, что среди найденных при раскопках предметов лишь очень немногие хоть как-то упомянуты в описаниях обрядов?

Работы по раскопкам едва начаты. К тому же китайская археология вдохновляется начетническим духом. Важно сразу же предупредить, что имеющиеся в нашем распоряжении документы отмечены утопизмом. Остается понять, представляют ли они ценность в своем нынешнем виде.

Эти документы не позволяют восстановить последовательность исторических фактов. Они не дают возможности с какой-либо степенью точности описать материальную сторону китайской цивилизации.

Так же как подробности войн и политических интриг, мы не знаем административные установления, экономическую практику, манеру одеваться и т.д. Напротив, мы в изобилии обладаем драгоценнейшими свидетельствами о различиях в эмоциях или в теоретических взглядах у разных кругов Китая по отношению к одежде, богатству, искусству управления, политики или войны... Но прежде всего мы осведомлены о тех жизненных позициях, которым покровительствовала ортодоксия. Однако же, опасаясь что-либо утратить из своего прошлого даже в тех случаях, когда они озабочены прежде всего созданием чисто идеальной его реконструкции, китайцы сохранили массу сведений, которые противоречат ортодоксальным теориям.

Пока что, если отнестись с недоверием к иллюзорно точным сведениям, нет никакой возможности написать учебник по Древнему Китаю. Однако же отнюдь не невозможно продвинуться довольно далеко в познании Китая, если ограничиться определением взятых в их совокупности жизненных позиций, характерных для его древней социальной системы.

Дух, в котором я задумал настоящую работу, сводится к следующему: попытаться определить социальную систему китайцев; попытаться выявить, что в ней есть своеобразного (в политической жизни, в нравах, мышлении, в истории мысли и истории нравов); попытаться также обозначить, что содержит она из широкого человеческого опыта и что позволяет заключить, как часто при переходе от цивилизации к цивилизации оказываются различны только способы выработки символов; попытаться, наконец, раскрыть эту систему поведения в присущих ей действиях и движениях. Именно этот дух вдохновлял мои подготовительные работы. Частью они опубликованы; при их печатании я подчеркивал, что они имеют характер вводных исследований, и одновременно осуществлял последовательно критический анализ фактов, идей и документов. Сегодня же я представляю обобщающий труд. Мне пришлось быть более строгим. Соответственно я оказался вынужден отделить историю мысли от истории политических событий и социальных обстоятельств. – История мысли составит содержание дополнительного тома: в нем можно будет увидеть, как китайская мысль в ходе развития, находившегося в теснейшей связи с эволюцией нравов, уже с эпохи Хань пришла к схоластике, дополнявшей ортодоксальное учение о жизни. Тем не менее под оболочкой условных форм эта мысль скрывает, наряду с замечательными конкретными поэтическими и пластическими особенностями, свободное движение мысли, действующей там без помех и как бы в укрытии. – Эти выводы подтверждают, да и дополняют

заклучения, к которым нас подводит настоящий том. Эволюция нравов свидетельствует о последовательной смене идеалов, преобладающих в определенных кругах. Она, похоже, подводит как к своего рода отправной точке к прославлению чрезвычайно жесткого конформизма. В этом проявляется та господствующая деятельность, которую с момента образования Империи осуществляют в жизни нации социальные классы: внешне их деятельность выглядит верховенствующей, поскольку роль государства и администрации (теоретически) сводится к воспитанию нравственных и интеллектуальных качеств, отличающих честного человека и важнейших у чиновника. Китайская история с трудом подчиняется необходимости сохранения пережитков и с еще большим трудом – признанию нового. Можно, впрочем, предполагать, что под оболочкой претендующей на абсолютную власть ортодоксии нравственная жизнь продолжала развиваться свободно. Бесценны приметы, благодаря которым можно разглядеть, что она не прекращала вдохновляться древними, уцелевавшими от оскудения идеалами. Вместе с тем под давлением обстоятельств она сумела-таки обновить свои идеалы, ибо достижение имперского единства сопровождалось совершенно новым распределением общественных обязанностей.

Как в истории общества, так и в политической истории наступлением имперской эры словно бы отмечается некий разрыв. Вот почему я остановил это исследование Древнего Китая на эпохе Хань.

Первая часть этой книги посвящена политической истории. Она открывается главой, в которой я анализирую традиционную историю с ее начала и до времени императора Уди (140–87) династии Хань. (Приводимые без уточнения даты относятся к дохристианской эре.) Древние традиции знакомят если и не с самими фактами, то хотя бы с китайскими взглядами. Начиная с того момента, когда появляются датируемые летописи (VIII в.), критическая мысль оказывается в состоянии установить несколько фактов, но они скудны (прежде всего крайне схематичны) и конечно же крайне разрозненны. Требуется немалая дерзость даже для того, чтобы наметить основные направления политической эволюции, приведшей к созданию Китайской империи. Пытаясь об этом рассказывать, я без зазрения совести оставлял обширные пробелы. Я отказался рисовать портреты, когда в моем распоряжении о героях имелись только сказочные предания. Я не стал описывать войны, когда в моем распоряжении оказывались только отрывки из эпосов, романов или героических поэм. Я не пытался восстанавливать замыслы стратегов или проекты политиков, если даже достигнутые ими

фактические результаты мне удавалось понять лишь с большим трудом. По преимуществу я опирался на примеры и выделял только решающие моменты. О царствованиях императоров Цинь Ши Хуанди и Уди известно лишь по неполным и не очень надежным документам, но события приобретают тогда такой размах, что подстерегающая критическую мысль опасность впасть в заблуждение внушает меньший страх. Я воздерживался от изложения малейших предположений по ставшим модными вопросам, как, например, о заселенности Китая: сформулированные на основе языковых предубеждений или же положений всеобщей истории гипотезы страдают тем, на мой взгляд, серьезным недостатком, что сужают поле исследования, на котором должна бы работать предысторическая археология. Я ограничился попыткой очертить параллелизм в прогрессе освоения земель и в образовании политических объединений, стараясь пролить свет на один важный факт: как только поднялись крупные феодальные уделы, поглотившие владения мелких вождей и растворившие островки варварства, так чувство цивилизационной общности побудило китайцев встать на защиту от набегов образующихся варварских конфедераций и заставило их согласиться с объединением страны в великую империю. Таким путем они пришли к тому, что я называю цивилизационным объединением, могучим и активным объединением, не считая себя при этом обязанными окружать государство и идею государства тем престижем и тем авторитетом, в которых жители Запада охотно видят необходимое основание всякой национальной жизни.

Подобно тому как попытка создания политической истории Китая может быть предпринята только при отказе от привлечения западной идеи государства, в равной мере для того, чтобы подойти к истории общества, которая составит вторую часть нашей работы, необходимо избавиться от идеи права, навязанной нашему уму слепым восхищением римским миром. В древнем китайском мире общественные перемены не выражаются в принятии сменяющих одна другую систем законов и уставов. Они проявляются в смене нравственных позиций. Ими сопровождаются колебания, происходящие вообще в жизни общества в зависимости от того, господствует ли в нем крестьянская деятельность и жизнь деревень, или же деятельность феодалов, осевших по местечкам, со временем вырастающим в крошечные столицы, или же богатых торговцев, вокруг которых вырастают крупные города. Документы не предоставляют каких-либо опорных точек в отношении существенных фактов, связанных с перемещением центров общественной жизни. Не известно ничего определенного об основании городков и господских поселений, повлекших за собой вытеснение крестьянских идеалов размеренного и ритмического равновесия моралью, основывавшейся на представлении о престиже: приемлемая для жизни в военном лагере, она

преобразилась под влиянием жизни при дворе в культ умения себя держать и этикета. Ничего точного не известно о развитии промышленности, богатства, роскоши или о расширении городских центров; лишь посредством косвенных показателей можно догадываться об остром кризисе, который был порожден этим процессом: он привел к одобрению в качестве начал социальной дисциплины формализма и декорума, выдержанного в духе традиционализма и архаизирующего символизма. Есть только одно средство для изучения этого общества – попытаться прибегнуть к некоему стратиграфическому его воссозданию. Вот почему я обращался к изучению не определенных и сгруппированных на западный манер учреждений – религии, права, жилища, но различных общественных кругов. Никогда не ставя перед собой задачи охватить все, я ограничился изображением отобранных характерных норм поведения.

Все сказанное в этом сочинении вытекает из непосредственного анализа документов. В меру возможного я также устранил из моих заметок все ссылки, которые могли быть использованы исключительно специалистами. В первый и последний раз предупреждаю, что в данном труде содержатся мои собственные взгляды, к которым я пришел, следуя своим принципам исследования. Мне пришлось немало поработать, чтобы избежать категорических утверждений, немало потрудиться ради того, чтобы в тех случаях, когда я считал это возможным, прийти к точным формулировкам. Еще сложнее было устранить хитроумные гипотезы и обманчивые притязания на точность. Учитывая состояние документов и исследований, было бы тщетно скрывать, насколько выводы, которые можно сделать, субъективны, неполны и поверхностны, и еще более тщетно было бы в этом извиняться. Достаточно высказать надежду, что взятые по той цене, которую они действительно стоят, эти заключения дадут читателю возможность почувствовать, сколь необходимо углубленное изучение китайских реалий. Оно позволило бы сопоставить с оценками и опытом очень большого народа классификации и суждения, к которым мы наиболее привычны.

Часть первая

Политическая история

Книга I

Традиционалистская история

Глава первая

Пять государей

Традиции относят начало истории к временам Пяти государей (У ди), которым иной раз предшествуют Трое властелинов (Сань хуан).

Трое первых из Пяти государей, Хуанди, Чжуаньсюй, Гаосинь, представлены в сочинениях, связанных с конфуцианской традицией, но характер представлений о них скорее философский, чем исторический. «Шу цзин», или «Книга преданий», упоминает только двух последних, Яо и Шуня. Написавший в конце II в. до н.э. первую крупную компиляцию всеобщей истории Сыма Цянь взял темой первой главы своих «Исторических записок» Пять государей. Он начинал китайскую историю с Хуанди, которого в эпоху Хань считали великим покровителем даосских сект. Хотя в результате на самого Сыма Цяня пало обвинение в отходе от ортодоксии, в позднейшие времена в исторических компиляциях не переставали описывать царствования Пяти государей. Восходящая по меньшей мере ко вторым Хань иконографическая традиция упоминает как предшественников Пяти государей Трех властелинов – Фуси, Нюйва и Шэньнуна или же, поскольку Фуси и Нюйва образуют чету, еще Чжужуна и Шэньнуна. Властелины, как и трое первых государей, упоминаются в древних текстах как ортодоксальной, так и неортодоксальной традиции.

Китайские эрудиты, предваряя историю царских династий рассказом о Трех властелинах и Пяти государях, стремились набросать картину счастливых времен, когда под человеческими чертами выступала совершенная добродетель. При этом в фигурах героев ранних эпох сохраняется множество мифологических черт. Правда, у первых героев «Книги преданий», Яо и Шуня, эти признаки почти полностью стерты. Тем не менее и они оба оказываются вовлечены в драматическую историю Великих наводнений, в которой главенствующая роль принадлежит основателю первой царской династии Юю Великому. В некоторых

рассказах на первый план выходят другие властелины (Нюйва, Чжужун) или другие герои. Тема наводнений связана с мифом об обустройстве мироздания, а некоторыми своими сторонами, похоже, с земледельческими обрядами отчетливо выраженного шаманистского характера: воды заставляют вырваться на поверхность с помощью рисунков на земле, которыми намечают и русло возникающих рек. Однако же развитие этого важного сюжета превращается в «Книге преданий» в чисто технический спор: следует ли предпочесть строительство дамб прокладке каналов? Таким же образом, когда там говорится о Яо, который «выглядит словно Солнце», само собой разумеется, что это выражение не более чем метафора: от старого мифа, где Яо предстает укротителем солнц или же Солнцем, историками не сохранено ничего. Если же у включенных в «Книгу преданий» героев мифологические приметы более часты или менее размыты, то это обычно случается как бы на обочине истории. Например, Сыма Цянь остерегается рассказывать, что Хуанди установил свою власть, заставив спуститься с Неба собственную дочь Засуху, которая продолжала оставаться богиней. В равной степени историки воздерживаются от упоминания, что последний из Властелинов, Шэньнун, обладал бычьей головой, а Фуси и Нюйва образовывали соединенную хвостом чету. Историческая традиция в принципе хочет иметь дело только с людьми.

Несомненно, уже давно очеловеченные Шунь и Яо оставались бы первыми государями Китая, если бы в воссоздании национальной истории страны решающую роль не приобрела теория Пяти стихий. Эта, несомненно, древняя теория стала по политическим соображениям в IV и III вв. предметом спекуляций разных философских школ. Все они допускали, что Порядок во вселенной и само время были установлены при содействии пяти соответствующих Пяти стихиям добродетелей. Их воплощали пять следовавших один за другим августейших государей. Одно из толкований, относившихся к Пяти стихиям, подразумевало, что своего результата они добивались, торжествуя друг над другом. Это толкование позволяло сгруппировать осколки древних мифов в виде исторических событий, когда героев видели сражавшимися между собой наподобие демиургов. История присвоила себе достаточное число этих героев, для того чтобы Изначальные времена представляли совершенным циклом Пяти соответствовавших стихиям добродетелей.

Обозначением каждого государя служит одна-единственная стихия. Однако он к тому же обладает своего рода всеохватывающей добродетелью, причем каждый из них в одиночку является творцом национальной цивилизации. Он представляет нечто большее, чем просто изобретателя орудий или учреждений. Такое его видение больше подошло бы к Трем властелинам. Так, например, Фуси

и Нюйва сообща изобрели свадебные обряды и подарки, тогда как властелин с головой быка Шэньнун изготовил соху и учил приемам земледелия. Однако же, если Хуанди иной раз и изображают изобретателем литья металлов и военного оружия, чаще всего открытие выплавки металлов и изобретение первых военных орудий приписывается его помощнику Иню. Рассказывают, что Шунь лепил из глины вазы. Однако же величайшие изобретения, которыми отмечено его царствование, как и царствование Яо, сделаны помощниками, которым они поручили организовать управление миром: Си Хэ уточнил солнечный год, Ци научил сеvu и пересадкам, Гао Яо ввел в обиход уголовное право. Находившиеся над этими героями, ограничиваемыми узкой специализацией, государи царят, но не изобретают. Будучи наделены более полной и временами выглядевшей более отвлеченной добродетелью, они ограничиваются тем, что, рассеивая свое упорядочивавшее влияние, привносят в мир цивилизацию.

Она распространяется параллельно во времени и в пространстве. Являясь всеохватывающей и отождествляя границы Китая с границами мироздания, она обеспечивает единство Империи. Этот положительный результат достигается, когда государь, перемещаясь, сам доносит свою добродетель до границ мироздания. Вот так Хуанди при посещении четырех стран света достиг на Дальнем Западе гор Кунтун и Чжуаньской, на краю Востока – дерева Паньму. Но для Яо оказалось достаточным отправить к четырем полюсам своих уполномоченных, а Шуню для подчинения вселенной порядку, который он хотел ввести, потребовалось и меньше того: ему хватило провести простую церемонию в своей столице с четырьмя воротами. Государь правит пространством, потому что он владыка времени. Хуанди «повсюду установил порядок для Солнца, Луны и Звезд». Гаосинь наблюдал Солнце и Луну для того, чтобы их принять и сопровождать. Яо поручил Си и Хэ «со вниманием наблюдать за Августейшим Небом и прилагать закон чисел к Солнцу, Луне и Созвездиям». «Действуя в соответствии с временем года, чтобы следовать Небу», государь настраивает влияния («ци»), дабы «направлять круговорот». Он тот, чья «вселенская щедрость благодетельна для всех существ». Ему присущ высший дар, действенность («лин»), отличающая существа, которые мы называем божественными («шэнь»; «лин» и «шэнь» имеют одно значение и взаимозаменяемы; часто говорят «шэнь-лин»). «С самого своего рождения Хуанди обладал действенностью («шэнь-лин»): ему не было и трех месяцев, а он уже умел говорить. Этой добродетелью государя немедленно достигается главный результат – «спокойствие и покорность всех движущихся или отдыхающих существ, всех малых и великих, всех божественных существ, всего, что освещается Солнцем и Луной». Великим Миром («Тай пин») называют это состояние устойчивости, когда земля и воды, растения и животные, боги и люди

процветают, не выходя за пределы соответствующих им уделов. Государь обладает всеми атрибутами, которыми может наделить демиурга восстающая против креационистских взглядов философия.

Скорее мудрецами, чем героями, предстают государи, которых наилучшим образом удалось интегрировать в традиционную историю. Добиться, чтобы среди людей царил порядок, – вот их первейшая задача. Яо, наделенный «умом существа божественного («шэнь»)), установил царство сыновней почтительности и гражданских добродетелей. Так же как Шунь и – в меньшей степени – как основатель царства Юй Великий, он жил ради народного блага и «не думал о самом себе». Вот почему он и не мыслил об основании собственной династии. Пять государей отнюдь не отцы или сыновья друг друга. Между двумя государями из «Книги преданий» не существует никаких родственных уз; ведь Шунь может пожениться на дочери Яо. После того как Яо подверг его испытанию и признал в своем зяте и советнике мудреца, достойного царствовать, тот ему и унаследовал. Народ также признал в нем качества, провозглашенные разбиравшимся в мудрости предшественником. Яо изгнал собственного сына Даньчжу, «дабы в ущерб Империи не творить благо для одного человека», и после смерти Яо почести были оказаны не его сыну, а Шуню. Шунь сказал: «Воля Неба!» – и принял власть.

Государь – это мудрец, который обладал более человеческой и одновременно более отвлеченной добродетелью, чем герои; он цивилизует мироздание непосредственным воздействием своей действительности и царствует в согласии с Небом ради счастья народа. Прежде всего он создатель точного и сотворяющего благо календаря. Его помощники действуют, вдохновляясь государевой добродетелью. Что касается его самого, то он царствует, не задумываясь над управлением. Он занят созданием, а точнее, выделением порядка. Это прежде всего нравственный порядок, но им охватывается все. Эпоха Пяти государей – время гражданских достоинств, эра совершенной человечности («жэнь»).

Глава вторая

Три царские династии

История Трех царских династий опирается на сведения, содержащиеся в «Книге преданий» («Шу цзин»), дополненные классической «Книгой песен» («Ши цзин»), а также «Бамбуковые анналы».

За последним из Пяти государей, Шунем, последовал основатель династии Ся Юй Великий. Когда цари династии Ся поддались растлению, их низвергаи и заместили цари Инь (или Шан, они же Инь-Шан). Наконец, после того, как стали источать зло цари династии Инь, их устранили Чжоу.

Могущество любой династии проистекает из добродетели («дэ») или из престижа («дэ» либо «дэ-инь»), проходящих через стадии полноты сил («чжэн» либо «шэн»), затем упадка («ай»), а после – эфемерного возрождения («син»), истощения и угасания («ме»). Династия тогда должна померкнуть («ме»), быть уничтожена («цзюэ» или «ме-цзюэ»), истреблена, ибо Небо больше не на ее стороне («бу Тянь»): Небо («Тянь») больше не относится к царям как к своим сыновьям («цзы»). Семья может предоставлять Китаю царей, Сынов Неба («Тянь цзы»), всего лишь на период, пока Небо дарует тем достоинство («мин»). Это достоинство, этот небесный мандат всегда временны. Небо изменчиво, неумолимо. Его милость утрачивается, она истощается. Не приходит дважды Великое Счастье («да фу»). Любая династия, сохраняющая власть после того, как ее время прошло, обладает могуществом лишь фактически. В глазах права она узурпатор. Основатели династии, срок которой пришел, выполняют небесную волю, уничтожая изжившую себя и причиняющую вред династию. Они исполнители божественного наказания, и сама их победа служит доказательством, что Небо доверило им свой мандат («мин»).

Дозволяющий царить божественный мандат – плод заслуг великого предка. Великие предки трех царских династий были все помощниками у Шуня. Проявив себя в управлении той или иной областью мироздания при этом последнем и мудрейшем из Пяти августейших государей, они обрели для своего потомства ту или иную отличительную Добродетель. Положивший начало власти Ся Юй Великий возглавлял общественные работы («сыгун»). Предки родов Инь и Чжоу, Се и Ци, были: первый – управляющим народа, а второй отвечал за земледелие. Юй, Се и Ци были потомками в пятом поколении, включая поколение исходное, первого из Пяти государей, Хуанди. (В пятом поколении боковые ветви отделяются, образуя независимые древа.) Наконец, было чудесным рождение каждого из трех основателей царских династий. Они родились из небесных деяний.

Таким образом, все династии царей, Сынов Неба, восходят к одному из небесных сыновей.

С начала VIII в. история приписывает династии Чжоу угасающее существование, которое, однако, обрывается только в III в. до н.э. К тому времени Чжоу выглядят пережившими собственное могущество. Когда начинается отмеченный появлением хронологии исторический период, оно уже ни в чем не проявляется. Царь Пин, при котором хронология возникает, был вынужден покинуть столицу, а о его погибшем при стихийном бедствии отце, царе Ю, утверждалось, что «Чжоу пропали». Их добродетель оказалась исчерпанной. Это подтверждалось стихийными бедствиями. Сходные природные катастрофы происходили также в последние годы династий Ся и Инь. Последние цари династий – это по преимуществу тираны или мятежники. Вместо того чтобы поступать в соответствии с тождественной естественному порядку («Дао») Добродетелью, они, будучи ослеплены гордостью, действуют самовластно. Они больше не выполняют мандата Неба, и Небо их покидает, не имея больше возможности относиться к ним, словно к благочестивым сыновьям.

Следует подчиняться небесным приказам, дабы обрести царскую Добродетель. Присущее тиранам высокомерие ее разрушает. История Трех династий – всего лишь тройная иллюстрация этого принципа. Она излагается в форме ежегодных хроник: подробно повествуется лишь о временах становления и падения династий. Для промежуточных эпох летописи сводятся к простому перечислению царствований, причем исключения составляют только мимолетные периоды возрождения царской власти. История ставит целью показать начала величия и упадка царских домов. Ее задача выполнена, едва только пролит свет на славную добродетель царей-основателей и пагубный дух царей пропащих.

1. Династия Ся

Основатель династии Ся Юй Великий обладал всеми чертами истинного государя; более того, ни один из государей так не похож на демиурга, как этот создатель царства. В его честь историей включаются в повествование обрывки поэмы, в которой его можно увидеть приводящим в порядок Священные болота, Достопочтенные горы и отводящим реки к морю, подобно тому как «придворные

направляются на заседание двора». Наконец-то обустроенное мироздание может осваиваться. Народ в состоянии питаться свежим мясом, рисом, просом. Благодаря трудам Юя земля спасена от наводнений. Однако же – и ни один историк этого не оспаривает – это были исключительно человеческие работы. Они потребовали лишь особенного сочетания гражданских добродетелей. Юй «был активен, услужлив, способен, проворен... Он ограничивал себя в одежде и еде, но демонстрировал исключительную почтительность к божественным силам; живя в скромном жилище, он не жалел расходов на канавы и каналы».

Ему была присуща добродетель, способная объединить Империю. «Его голос был мерилем звуков, тело – мерилем единиц измерения длины». Следовательно, он мог определять Числа, служившие для регулирования Времени и Пространства, а также Музыки, создающей вселенскую гармонию. Он установил размеры дани, «внес совершенный порядок в шесть угодий природы» и расселил надлежащим образом китайцев и варваров, так что Империя познала Великий Мир. Кстати, он побывал в четырех странах света ради того, чтобы отметить границы мироздания и Китая. Все свои работы он совершил, будучи помощником Шуня. Затем царь представил его Небу. После того как Юй унаследовал Шуню, так же как тот унаследовал Яо, ему оставалось лишь царствовать. Отныне роль Юя, как и любого государя, сводилась к представлению Небу одного из своих помощников. Он представил Небу Гао Яо, а когда тот умер, И, или Бои, которого иногда изображают сыном Гао Яо. Юй скончался. Но, покинув И, знать явилась к Ци и оказала ему почести. Знатные люди говорили: «Наш князь – это Ци, сын Государя Юя». Так был установлен принцип династического наследования и основана царская династия Ся.

За царем-цивилизатором Юем последовал царь-воин Ци. Из его царствования история запомнила только одну одержанную им победу. Благодаря ей он упрочил мирное дело отца. И прежде чем подойти к рассказу о последнем Ся, Цзе, история довольно долго задерживается на событии, относящемся к чете драконов, которой Небо приказало спуститься к царю Кунцзя. Царь пожрал дракониху. Некоторые видят в этом небесном даре драконов подтверждение царской добродетели: они изображают Кунцзя мудрецом, который во всем следовал воле Неба. Другие же, отказываясь связывать с его царствованием возрождение династического духа, принимают его за поклонника магии. Этот возмутитель спокойствия «развратил Добродетель Ся».

Цзе завершил уничтожение этой Добродетели. Он был не просто неспособным правителем, а тираном. Он одерживал «чрезмерные победы». Им были запуганы

Сто семейств, то есть народ. Он любил роскошь. С привезенными из походов пленницами предавался разврату. Вассалов, которые его упрекали, убил, избавился от первой жены, заключил в башню самого добродетельного из знатных людей. С Неба падали звезды, тряслась земля, река И пересохла. Однажды взошли одновременно два солнца. Одно на Западе представляло династию Ся в упадке. Другое на Востоке представляло Тана, того феодала, которого Цзе сначала заключил в темницу, а потом был вынужден освободить. Едва выйдя из заключения, Тан принял явившихся с изъявлениями почтения знатных особ. Это были вассалы тирана, искавшие прибежища. Был среди них и летописец династии Ся. И тогда Тан привел свою армию в движение, стремясь добиться, чтобы шла она с Востока на Запад. В своем высокомерии Цзе сказал: «В тот день, когда умрет это солнце, и я, и вы, и все мы погибнем». Он был разгромлен, и это был конец династии.

2. Династия Инь

Основатель династии Инь Тан Победоносный был потомком Первого государя, а также Се, сына Неба и матери-девственницы, прославившегося в качестве помощника Шуня. Среди своих предков он числил также Мина, или Сюаньмина, который выправил течение Реки и утонул в ее водах. «Его Добродетель распространялась вплоть до птиц и четвероногих». Подчиняясь пожеланиям Неба, он загонял в свои сети только животных, которым «жизнь стала в тягость». Поэтому к нему тянулись мудрецы. Он добился, что к нему в услужение поступил такой человек, как И Инь, знавший подходящую для государя пищу и умевший держать речь о царских добродетелях. Начал Тан с наказания графа из Гэ, «который не приносил жертв», а затем осудил и нарушителя порядка Гунью. Лишь по одной причине поднял он оружие против царей Ся: они совершенно не сострадали народу. Сам он, «страшавшийся Всевышнего, просто не мог не поправить Цзе... которого Небо приказало предать смерти». Победа помогла ему также «умиротворить пространство между четырех морей», то есть Китай. «Он к тому же изменил месяц и день начала года». Свои указы провозгласил весной в восточном предместье. Он царил, он умер.

Царствование Тана лишено событий. Что касается царствований его непосредственных преемников, то и они интересны лишь ролью, сыгранной в престолонаследии советником Тана И Инем. В конечном счете установилось престолонаследие от отца к сыну. С того момента летописи свелись к перечню

царствований, где упоминаются наряду с частыми переменами столиц лишь заметные события. В царствование Таймоу появились два чудесных тутовника, а в царствование Удина – фазан. Эти знамения послужили поводом для пересмотра поведения в присутствии царя и для обновления Добродетели правящего дома. Та едва не пресеклась с воцарением Уи, пускавшего стрелы в переполненный кровью бурдюк. Он уверял, что стреляет в Небо. Раздался удар грома, и пораженный небесным огнем Уи рухнул.

Дом Инь погиб при царе Чжоусине, о котором также рассказывают, что он стрелял в Небо и должен был сгореть вместе со своими сокровищами и своими женами. Чжоусинь был самым омерзительным среди тиранов. Он грешил чрезмерностью способностей и честолюбия. «Сверхчеловеческой была его сила. Одной рукой он бросал на землю разъяренных животных. Знания позволяли ему возражать на упреки... Своими талантами он внушал страх собственным военачальникам. Благодаря своей славе он высоко вознесся в Империи. Он добился, что все от него зависели». Он одерживал пагубные победы. Ему нравились возбуждающие мелодии и танцы. Он увлекался женщинами, взял пленницу в фаворитки, казнил тех, кто его упрекал, и убил свою главную жену. Он изобрел пытку полыхающей дыбы. Он бросил в башню владыку Запада, князя семейства Чжоу, который был самым добродетельным из его вассалов. Рухнула гора Яо. Женщина превратилась в мужчину. Одновременно взошли два солнца. Как только Чжоусинь его освободил, вождь Запада принял изъявления верности своих вассалов. У него укрылся летописец династии Инь. Великий воспитатель дома Инь вместе с помощником принесли семейству Чжоу музыкальные инструменты тирана. Наконец, Чжоу собрали свои войска и с династией было покончено.

3. Династия Чжоу

Чжоу происходили одновременно от Хуанди, а также от Ци, сына Неба и матери-девственницы, приобретшего заслуги в царствование Шуня в качестве управляющего земледелием и Князя урожаяев. Победа Чжоу была в два приема обеспечена царями Вэнь и У. Первый владел цивилизаторским духом («вэнь»), а второй – воинственным духом («у»). Первоначально царь Вэнь, носивший титул вождя Запада, совершенно не думал об отмщении Чжоусиню, который бросил его в темницу. Напротив, он пожертвовал часть своих владений для того, чтобы добиться уничтожения отвратительной пытки на дыбе. «Добро он творил

втайне». Под влиянием его гения умеренности в его уделах полностью исчез дух несогласия; «в том, что касалось полевых меж, пахари уступали друг другу и все уступали старикам». Знать увидела в этом знак Неба. К вождю Запада тянулись мудрецы. Однажды, отправившись на охоту, он обнаружил в своих сетях не зверей, а святого, который был способен «помочь самому верховному государю». Своими речами этот мудрец научил его, как «укрепить свою добродетель и низвергнуть Инь». Он взялся за оружие только для того, чтобы наказать варваров и преступников, вроде людей Ми-сю. Наконец, он решился принять титул царя. И «тогда он изменил правила и мерил и определил первый день первого месяца».

Его воинственному сыну оставалось лишь на деле закрепить торжество отца. Он вооружился только для того, чтобы «почтительно выполнить небесную кару», а также потому, что Чжоусинь «свирепствовал над Ста семействами». Став победителем, он немедленно «распустил войска и посетил угодья вассалов». Царствование его преемника царя Чэна интересно главным образом ролью, которую сыграл в передаче власти князь Чжоу, приходившийся ему дядей и бывший его помощником. С помощью последних сторонников семейства Инь другие дядья царя подняли мятеж. Их победили, и в конечном счете династия установилась при принципе престолонаследия от отца к сыну. Хотя мы приближаемся к временам датированных летописей, царствования непосредственных преемников царя Чэна почти в той же степени лишены событий, как и правления государей домов Инь или Ся. Известно лишь, что гибель царя Чжао окружена мраком: «царская добродетель («ван дао») ослабела».

Она набрала силу при сыне Чжао царе Му. По правде говоря, рождение Му было чудесным. Это герой. Как и его предка царя Вэня, его воспевали поэты. Он также действующее лицо приключенческого романа и один из излюбленных персонажей сказителей, повествующих об экстатических странствиях. Его особенно прославило большое путешествие на Дальний Запад. В литературной традиции оно приобрело характер то ли экстатического странствования, то ли ряда паломничеств к святым местам. Но историческая традиция рисует их крупным военным походом и на этом основании осуждает. Она приписывает одному мудрому вассалу длинный выговор царю. Его темой стала мысль, что силой оружия не следует и пытаться исправить вассалов и варваров, не приносящих дани для царских жертвоприношений. В этом случае существует только одно целительное средство – «осуществлять свою Добродетель», а не посылать народ (армию) на страдания в отдаленных областях. В качестве морали история утверждает, что царь Му действительно не добился ни

малейшего успеха и вернулся из похода против западных жунов лишь с четырьмя волками и четырьмя белыми оленями. С того времени вассалы пустынных областей прекратили приезжать ко двору. Еще царю Му приписывают провозглашение уголовного кодекса. Он должен был его ввести, потому что «среди знатных лиц имелись и такие, кто не поддерживал согласия».

У его наследников было еще меньше Добродетели, которой не хватало царю Му. «Поэты посвящали им сатиры». Упадок стал особенно ощутим во времена царя Ли, столь глупого, что он принялся копить богатства, хотя «государь обязан распространять состояние и распределять его как в верхах, так и в низах, с тем чтобы среди богов, людей и всех существ каждый достигал наивысших ступеней». Для того чтобы заставить замолчать своих критиков, он прибегал к колдунам: ничего не было более губительного, чем эта его попытка «заткнуть рот народу». Он был вынужден уйти с престола. Началось междуцарствие (841–828), во время которого два царских помощника совместно осуществляли власть (Гунхэ). После смерти Ли они передали власть царю Сюаню (827–782). Последнего история упрекает в том, что он практически никогда не совершал царской пахоты и провел перепись населения, что запрещалось. Кроме того, известно, что он слишком дорожил негой и что ему пришлось испытать засуху. Но он исправился и сумел проявить смирение и признаться в своих ошибках. По словам одних, именно после этого Добродетель царей Чжоу обновилась. Напротив, другие настаивают на мрачном конце Сюаня: он был убит стрелами, которые выпустил призрак одной из его жертв, испытав поражение на том самом поле, которое отказался пропахать. Что касается богохульства, каковым была перепись, вся его тяжесть пала на его сына, царя Ю (781–771). Он также потерпел поражение от варваров и был убит. Он любил красивую и ловкую женщину Баосы, чей длинный язык навлекал несчастья и, будучи более зловещим, чем сова, разрушал укрепления государства. Баосы родилась от пены дракона, оплодотворившего семилетнюю девочку. Любовь к ней царя Ю потрясла саму природу. Обрушилась гора Ци, пересохли три реки. В тот момент в Китае не появилось ни одного мудреца, который обладал бы благодатным гением основателя династии, и поэтому Чжоу, чья Добродетель истощилась, не были сразу же решительно устранены.

Глава третья

Эпоха гегемонов и сражающихся царств

Титул Сына Неба сохранялся за царским домом Чжоу почти до основания Империи. Однако между VIII и III вв. протянулся период, отмеченный столкновениями престижа ради между несколькими феодальными государствами, «го». История тех лет основывается на удельных летописях. Основным источником, охватывающим период с VIII по V в., служит «Чунь цю», летопись страны Лу, родины Конфуция. Летопись содержит лишь сухой перечень фактов. Ее дополняют с помощью трех комментариев. Основной, «Цзо чжуань», основывающийся на одной или нескольких местных летописях, рассказывает относящиеся ко всем китайским краям историйки. Кроме того, помогает и «Го юй», сборник речей («юй»), составленный по областям («го»). Следующий период известен благодаря сочинению, больше похожему на «Го юй», чем на книгу летописей, а именно «Речам Сражающихся царств». Сымя Цянь написал историю той эпохи в форме монографий об отдельных уделах, которые служат добавлением к основным хроникам, посвященным последним Чжоу. Историк никак не подразделил этот длительный период. Согласно древнему обыкновению проводится соответствующее источникам различие между временем, охваченным в «Чунь цю», и эпохой Сражающихся царств. Следовало бы писать «Сражающиеся уделы», но говорят о царствах, ибо в те времена многие владыки отдельных уделов приняли титул царя. Некоторые из них были определены как гегемоны. Впрочем, обычно традиция сохраняет это наименование лишь за пятью персонажами, жившими в VII в.; она противопоставляет эру Пяти гегемонов эпохе Пяти государей и Трех династий. Первыми гегемонами стали князья крупных феодальных доменов, которые попытались дать Китаю новую царскую династию и сыграли важную роль в период Сражающихся царств. Эти князья, их преемники и подражатели пробовали заменить угасающую династию Чжоу, но история показывает первых в роли малопочтительных покровителей, а вторых – в роли открытых соперников царствующего дома.

1. Гегемоны

Словом «гегемон» переводятся два термина, которые китайскими историками зачастую применяются как взаимозаменяемые. Термином «ба» называют крупного феодала, обладающего высоким престижем и фактической властью. Термином «бо» обозначают князя, наделенного особыми полномочиями в силу отдельного решения Сына Неба. Традицией царю придавалось право возвышать

либо лишать положения крупных владетелей («чжухоу»). Те по обычаю обладали одним из следующих титулов: гун, хоу, бо, цзы, нань. Все эти почетные наименования несли мысль о мужской либо воинской силе. В своих собственных краях все эти лица титуловались «герцогами», или «гун», но признавалось, что среди них имеется пять степеней. Существует обыкновение переводить названия этих пяти степеней знатности словами «герцог», «маркиз», «граф», «виконт» и «барон». Герцоги и маркизы образовывали высший слой, остальные – слой низший. Слово «бо» («граф»), однако, служило еще и обозначением вождей (слово «фанбо» равнозначно слову «гегемон»), которым поручалось обеспечивать порядок в одном из краев империи («фан»). Этим же термином «бо», служившим для именованя мужских божеств, пользовались для обозначения старшинства. Среди знати царем различались те, у кого было то же фамильное имя, что и у него, и те, кто носили другое фамильное имя. Первых он звал «фу», или дядьями по отцу, и считал отцами, а вторых – «цзю», или дядьями по матери. Мандат, предоставляющий право на специальное управление, «гегемонию», вручался «бофу» или «боцзю».

Отметив, что сын царя Ю царь Пин (770–720) был вынужден перенести свою столицу на Восток, для того чтобы избавить ее от набегов варваров Запада, жунов, Сыма Цянь добавляет, что в его царствование «царский дом пришел в упадок и ослабел. Знать использовала свою силу для угнетения слабых. Принялись расти Ци, Чу, Цинь и Цзинь; власть принадлежала тому, кто в собственном крае обладал гегемонией («фанбо»)). Ци, Чу, Цинь и Цзинь наряду с Сун – это края, каждый из которых выдвинул одного из Пяти гегемонов, признанных традицией. Сыма Цянь в другом месте пишет: «В то время (при царе Хуэе, 676–652) дом Чжоу пришел в упадок. Могущественными были только уделы Ци, Чу, Цинь и Цзинь. Одно время Цзинь (область Шаньси) начало принимать участие в собраниях гегемонов, но после смерти герцога (маркиза) Сянь страдало от внутренних беспорядков. Герцог (виконт) Му из Цинь (область Шаньси) был в стороне, удален: он не участвовал в собраниях и съездах Китайской конфедерации («Чжун го»). Царь (титул был незаконно присвоен) Чэн из Чу (область Хэбэй) приступил к набору мань, варваров Юга, из области Гун и начал ими управлять... Оставалось лишь княжество Ци из области Шаньдун, способное созывать и проводить собрания и съезды уделов Китайской конфедерации. А поскольку князь Хуань из удела Ци явил доказательства своей добродетели, на проводимых им собраниях присутствовали гостями и другие владыки».

Князь Хуань из Ци (683–643) – первый из Пяти гегемонов, признанных традицией. Самый прославленный – князь Вэнь из Цзинь (636–628). Хуань из Ци

мог претендовать на титул «боцзю» (гегемон-дядя с материнской стороны). Он вел свое происхождение от мудреца Тайгуна, бывшего помощником основателей династии Чжоу, а его дочь вышла замуж за царя У. Считалось, что Тайгун получил особый мандат: «Вы, князья пяти ступеней и начальники девяти провинций, обладайте же над ними правом наказания, с тем чтобы поддерживать и помогать дому Чжоу!» Князь Вэнь из Цзинь имел то же фамильное имя, что и Чжоу. История утверждает, что он действительно был введен в должность с титулом «бофу» (гегемон, дядя с отцовской стороны): «О, мой дядя... знаменитыми были цари Вэнь и У; они сумели возвысить свою блистательную Добродетель до высей, к Небу, а их известность распространилась и в глубинах! Вот почему Всевышний дозволил преуспеть мандату царей Вэня и У.

Имейте жалость к моей особе! Сделайте так, чтобы я, Человек Единственный, продолжил (моих предков) и чтобы мы (я и мои близкие) постоянно оставались на троне!» Но никакая семейная традиция, никакая инвеститура не оправдывает наделение гегемонией трех других князей. Князь Сян из удела Сун (область Хэнань) (650–637) был отпрыском династии Инь. Его честолюбие было неуместно, ибо «Великое Счастье не посещает дважды». Сыма Цянь вообще не упоминает Сун в перечне княжеств, осуществлявших гегемонию. История, однако, сообщает как факт, что герцог Сян председательствовал на княжеских встречах. На них не председательствовали ни князь Му из Цинь (659–621), ни царь Чжуан из Чу (613–591). Правда, что позднее дом Чу едва не основал империи, а дом Цинь ее основал.

Гегемонами являются князья, не обладавшие в совершенстве духом царя-основателя. Самый прославленный среди них, князь Вэнь из Цзинь, прежде чем добился успеха, пережил все испытания бродячего существования. Его одиссея изобилует эпическими чертами. Будучи младшим сыном, он получил удел у границы, где сумел завоевать сердца обитателей. Не столько для того, чтобы избежать подосланных убийц, сколько из нежелания восставать против отца, он, однако, бежал и укрылся в краю своей матери, которая была из варваров. Там он нашел жену. Окружавший его престиж был таким, что после смерти отца жители Цзинь пришли к нему с предложением занять трон. Он его отверг, опять-таки не столько потому, что его час еще не наступил, а из-за того, что не чувствовал себя вправе наследовать отцу, в погребальных церемониях по которому не участвовал. Тем не менее он предпринял поездку по наиболее могущественным уделам. Это путешествие еще больше его прославило. Он терпеливо выслушивал оскорбления тех, кто его не признавал. Когда в ответ на просьбу дать поесть он видел, что ему протягивали комок земли, умел сдержаться

первую вспышку гнева и принимал этот комок земли как символ выдвижения. Тем же, кто верил в его добродетель и в подносимом рисе прятал нефритовую пластину, знак командования, он возвращал нефрит, но оставался признателен. Его хорошо приняли в Ци. Он получил там жену. Рядом с ней он решил жить и умереть. Он отказывался искушать Судьбу. Именно его жена, заботившаяся о его славе, заставила его продолжить путь. Хотя в Чу его подстерегала опасность, он отказался играть будущими судьбами своей страны, давая опрометчивые обещания. Предугадывавший в нем соперника князь Чу так и не решился отдать приказ об его убийстве. «Кто мог бы устранить того, кого Небо решило вознести? Сопrotивляться Небу – значит определенно навлекать на себя несчастья!» Говоря о князе Вэнь, повсюду повторяли: «Ничто не может поразить того, перед кем Небо открыло (путь)». Спутники его, мудрецы, преданно следовали за ним. Один из них в особенно тяжелый день отрезал от себя часть бедра, чтобы его накормить. Он никогда не хвалился своим поступком: он считал, что князь должен лишь Небу, которое открывает перед ним путь. Под угрозой смерти отец отказался отозвать своих сыновей, служивших будущему гегемону. Наконец, князь Вэнь двинулся в Цинь. Там он получил пять жен. Войска Цинь с победой доставили его в родной край. «Тогда он распространил свои благодеяния на Сто семейств». Он вознаграждал «тех, кто направлял его своей добротой и своей справедливостью, подкрепленной их добродетелью и их благодеяниями», затем и тех, кто оказывал ему только материальную помощь. Он добивался гегемонии, но только ради того, чтобы воздать почести Чжоу. Он побудил царя Сяна (635) вернуться в свою столицу. А после победы над князем из Чу, который к тому же опасался напасть на него («Небо открыло перед ним путь, я не смею ему противиться»), он отпраздновал свой триумф (632), передав свой трофей в знак почтения царю. Тогда-то вместе с бесценными дарами он получил от царя и титул гегемона. Он совсем не возгордился своими успехами. Вздыхая, словно пораженный болезнью, он сказал: «Я узнал, что единственно мудрец может найти покой после победы на поле битвы». Хотя на войне он и был удачлив, удостоился прозвания «Вэнь», «цивилизатор», а не «У», «воин».

И все же Небо не одарило его совершенной Добродетелью Основателя. Если он и обнаружил многочисленные черты смирения, у него в душе сохранялась та вызывающая грубость, что мешает всякому истинному возвышению. Он, вассал, осмелился потребовать у царя, чтобы тот присутствовал на каком-то из собраний. «Читая исторические записки, Конфуций, дойдя до истории князя Вэня, сказал: «Князьям не пристало вызывать к себе царя». «Чунь цю» пишет: «Царь совершил инспекционную поездку в Хэян», для того чтобы умолчать об этом факте. Царской привилегией было сооружать подземный проход к могиле, и князь Вэнь, приказав проложить такой путь к своей могиле, нагло узурпировал

чужое право. Другие гегемоны проявляли еще большее высокомерие. Напав на Чу в 656 г., князь Хуань из Ци ссылаясь на удачный предлог: упрекнув их в том, что они больше не отправляют дому Чжоу дань в виде свертков пырея, нужного для царских жертвоприношений. На самом деле Хуань сам намеревался, словно был царем, совершить жертвоприношение на главной горе Востока Тайшань. В 611 г. гегемон из удела Чу имел наглость потребовать от царя магические треножки, унаследованные Чжоу от Инь и Ся. Эти творения основателя царства Юя Великого были царскими талисманами, и их вес был слишком тяжел для всех тех, чья добродетель была недостаточной. Опьяненный своей победой, гегемон княжества Цинь имел намерение принести в жертву Всевышнему пленного князя, хотя только царь мог почитать Всевышнего подобным жертвоприношением. В его могилу за ним последовали многочисленные человеческие жертвы. Мудрецы говорили: «Князь Му из удела Цинь увеличил свою территорию и приумножил свое государство;...однако он не председательствовал на собраниях знати: именно это и должно было случиться, ибо он приказал после своей смерти принести ему в жертву лучших из собственного народа... Так стало известно, что Цинь больше не сможет править на Востоке».

Во время периода, описанного в «Чунь цю», Китай не мог наслаждаться миром, ибо ни один царь в столице, ни один князь в крупных государствах не обладал соответствующей Небесному порядку Добродетелью. Однако же, несмотря на насильственные захваты скромных уделов, несмотря на войны между крупными государствами, несмотря на постоянную враждебность Цзинь к Цинь и к Ци, а особенно к Чу, это время познало своеобразное внутреннее согласие. Его поддерживал обычай проведения съездов и заключения межкняжеских договоров. На этих собраниях и при заключении этих договоров почти всегда председательствовали князья Цзинь, удела самого прославленного из гегемонов, к тому же носившие то же фамильное имя, что и Чжоу. Знать добивалась того, чтобы поддерживалось определенное равновесие, основывавшееся на уважении царских прав, на сохранении уже достигнутого положения и некоторой подчиненности князьям Цзинь. Славен договор 562 г.: «Мы все клянемся на этом договоре («мэн»), что мы не будем собирать урожаи, не будем захватывать прибыли («ли»), не будем защищать виновных, не станем укрывать зачинщиков беспорядков; мы придем на помощь тем, кто страдает от природных бедствий или катастроф, мы проявим сочувствие к тем, кто в беде или несчастье. У нас будут одни и те же друзья и одни и те же враги. Мы поможем царскому дому. Если кто-нибудь нарушит это постановление, то пусть Покровители истинного, Покровители договоров, Достопочтенные горы, Достопочтенные реки, все Боги (гор и холмов), все Боги домов (и городов), все

усопшие Цари, все усопшие князья, Предки Семи Семейств и Двенадцати Уделов, пусть эти Боги того уничтожат! пусть покинет того его народ! пусть утратит он (Небесный) мандат, пусть погибнет его род! пусть будет низвергнут его удел!»

Истинный мир, достигнутый мудрым князем, бескорыстным опекуном царской семьи, – вот идеал, который традиция и его биографы приписывают Конфуцию (551–479). Жизнь этого святого завершает период, охваченный «Чунь цю». Конфуций ощущал себя наделенным высшей задачей. Он мог бы ее выполнить, стать он помощником князя и вдохновителем его политики. Но большую часть своей жизни он провел в странствиях от удела к уделу в поисках того, кто сумел бы использовать его талант. Он всем предлагал «следовать правилам Трех династий и вернуть почитание политики князя Чжоу».

Тот сумел упрочить власть нарождавшейся династии Чжоу, добродетель которой надлежало восстановить. Конфуций думал, что «если бы нашелся князь, который был бы способен воспользоваться им, то по завершении двенадцатимесячного цикла у него уже был бы готовый результат; в конце трехлетнего срока было бы достигнуто совершенство». Вера Конфуция в собственное предназначение была абсолютной. Он удивлялся своим неудачам. Даже в наихудшие мгновения он не решался подумать, что его мудрость недостаточна. «Когда достигли совершенной мудрости, – говаривал он, – и остаются без занятия, то стыдно для правителей». История оплакивает неудачу Конфуция, но нисколько ей не удивляется. Похоже, она склонна допустить, что в начале V в. вера в немедленную действенность основывавшейся на соблюдении традиционных правил Добродетели ослабела.

2. Тираны

V, IV и III вв. представляются как период анархии и время крупного нравственного кризиса. Большие государства почти полностью завершают поглощение малых уделов. Порядок в обществе более не основывается на традиции и протокольных правилах. Жажда могущества открыто торжествует над заботой о равновесии. Князья больше не знают, что им делать с Добродетелью, престиж которой считается самодостаточным. Наряду с самыми разнообразными формами престижа они добиваются материальных выгод и увеличения могущества. Они склонны к нововведениям и всегда готовы их

оправдать либо прецедентами, либо ссылками на софистическую теорию истории. Это тираны.

«Нравы древних царей не были одинаковы... Успех святых людей (древности) достигался благодаря тому, что они правили, не оглядываясь друг на друга. Следовать установившимся законам – это достоинство, но оно не способно поднять человека над его эпохой. Для регламентации современности недостаточно изучения, берущего за основу пример древности. Святой человек, когда это на деле может быть полезно его царству, не будет добиваться единообразия обычаев. Он не будет добиваться единообразия обрядов, если сочтет, что таким способом сможет примениться к обстоятельствам». Так выражался князь (307 до н.э.), желавший перенять одеяния и вооружение варваров. «Он не обсуждает с толпой» свои замыслы великих дел и жажду завоеваний. «Он не дорожит согласием с вульгарным», хотя его целью и остается «достижение совершенной Добродетели». Добродетель продолжает оставаться целью, однако представление о ней примиряется, как говорят, с революционным духом.

В момент, когда кругозор включает более широкие представления, нам показывают растущее могущество расположенных на обочине прежней Китайской конфедерации стран. Эти страны воспринимают варварские влияния и распространяют их по Китаю. Два князя, живших в начале этой варварской эпохи, наиболее прославили себя в те новые времена. Это Хэлу (514–496), царь У (У, или Аньхуэй, строго говоря, он является графом) и Гоуцзянь (496–465), царь Юэ (Чжэ-цзян). Оба правили татуированными, носящими короткие волосы народами. Иногда их называют гегемонами. С классическими гегемонами они делят славу обладания мудрыми советниками. Однако те не являются подданными, связанными с их уделами; нельзя их назвать и советниками, носителями традиционной мудрости, каким хотел бы быть их современник Конфуций. Один, У Цзысю, перебежчик, другой, Фань Ли, загадочная личность с неизвестным прошлым. Маскируясь под древнюю риторику, их советы вдохновляются реалистической политикой. Победитель У Гоуцзянь расположен проявить милосердие к тому, кто некогда пощадил его после победы. Некогда, сказал ему Фань Ли, «Небо принесло Юэ в дар У. Царство У не приняло дара. Теперь же Небо приносит У в дар Юэ. Как может Юэ противиться воле Неба (и не захватить У)? Не принимая даров Неба, себя подвергают невзгодам». В эпоху первых гегемонов не решались отказать сопернику в зерне, если он испытывал голод. Рассказывают, что Гоуцзянь, побудив соперника предоставить ему зерно, возрадовался этой щедрости словно проявлению безумия и воспользовался ею, чтобы победить. История восхваляет его победу и оправдывает его

расчетливость. Помимо зернового займа изворотливый политик знал еще восемь приемов для разорения своего противника. Первый заключался в почитании божеств. Все другие были по своему характеру более реалистичны и жестоки.

Гоуцзянь владел дипломатией. У него была также аграрная политика и политика поощрения рождаемости, подчиненные военным задачам. К тому же страна, которая в предшествующий период считалась наполовину варварской, в V–III вв. постепенно добилась заметных успехов, став государством законодателей и экономистов. В 361 г. «князь Сяо из Цинь показал себя благодетелем; он поддерживал сирот и людей одиноких; призвал к себе военных людей; вознаграждались те, кто блистал заслугами». Перебежчик Вэй Ян, правитель области Шан, связал свою судьбу с домом Цинь. В 359 г. он заставил «изменить законы, реформировать наказания, поощрять пахоту... воодушевлять поощрениями и наказаниями тех, кто готов отдать жизнь, сражаясь». В 350 г. в Сяньяне была выстроена новая столица. Все мелкие деревушки и местечки были собраны в крупные уезды (числом 41); во главе каждого уезда поставили уездного голову... Отказавшись от традиционного раздела крупных квадратов земли на девять равных квадратов, разрушили вертикально и поперечно проходившие через поля дороги и создали новые поля; старая традиционная дань продуктами урожая с девятого квадрата (дань с девятого) была в 348 г. заменена системой налогов. Оказались сломаны все традиции феодального уклада. Перестала быть орудием божьего суда и наказания виновных война, превратившаяся в ремесло. Ее целью больше не было наказание виновных, а уничтожение врага. Она стала кровавой. О Цинь говорили, что там казнят пленных и добиваются истребления противника. После каждого сражения головы отрубались десятками тысяч. В историю царство Цинь вошло как край беспощадных зверей.

Некогда идеалом был князь, выращивающий огурцы и арбузы, которые невозможно сохранять. Ему надлежало остерегаться накапливать зерно. Теперь же, напротив, целью стало создание запасов и накопление сокровищ. Роскошь и траты сменяют былую умеренность. Пришло время великолепных князей. Им приписывают все черты, что раньше использовались при описаниях распущенных царей угасающих династий. Они живут в окружении женщин, музыкантов, шутов, гладиаторов, софистов и воинственных забияк. Засады и убийства из-за угла превращаются в политические средства. Больше нет тормозов ни у жестокости, ни у гордости. Погребальные церемонии превращаются в повод ужасающих триумфов. Хэлу из У (514–496) захоронил вместе с дочерью неслыханные богатства. Кроме того, он жертвует ей в одно время с танцорами группы юношей и девушек из народа. Охваченные

лихорадкой честолюбия, князья не отступают перед самыми соблазнительными деяниями. В 318 г. Янь из удела Сун провозглашает себя царем под именем Кана. По ночам он устраивает пиры, бесконечные пьянки, на которых гремят здравицы: «Десять тысяч лет! Десять тысяч лет!» Он сжигает дощечки божеств почвы, сечет Землю и, наконец, – он был потомком Уи – пускает стрелы в Небо. Так он хочет утвердить свое превосходство над всеми богами.

Как и положено, оргии заканчиваются катастрофами. Усилия мудрецов ничего не дают, и анархия распространяется. Мудрецы приходят в отчаяние. У них нет выхода, кроме смерти. Так объясняется судьба мудреца и поэта, принца крови из дома Чу Цюй Юаня. Царь Хуай (328–299) совершенно не желал прислушиваться к его советам. Напрасно Цюй Юань призвал поэзию на помощь Добродетели: напрасно в своей поэме «Лисао», этой широкой аллегории, напомнил он своему владыке, что поиск святого советника необходим не меньше, чем поиск совершенной невесты: завоевание Добродетели – единственное, к чему должен упорно стремиться достойный им называться князь. Цюй Юань, будучи отстранен, изгнан, обречен на бродяжничество, не стал, подобно Конфуцию, хвататься за надежду. У него полностью исчезла вера в Добродетель. «Где великолепие? Где нищета? Что нужно избегать? За чем нужно следовать? Грязное болото – вот наш век! Чистого больше ничего нет!.. Восхваляют доносчиков! А благородные мудрецы не имеют известности!» Решившись уйти от всего этого, он изливает накопившуюся горечь старому рыбаку: «Весь мир, все люди грязны, а чистый один лишь я. Все люди везде пьяны, а трезвый один лишь я». – «А если все люди везде пьяны, почему б не дожрать барду и не выпить осадок до дна?..

Когда чиста цанланская вода-вода,

В ней я могу мыть кисти моей шапки,

Когда ж грязна цанланская вода-вода,

В ней я могу и ноги свои мыть...»

– ответил рыбак.

Так голосом из народа были осуждены прямота и преданность. Цюй Юань уходит, чтобы броситься в воду. Коррупция имеет всеобщий характер. Похоже, что времена мудрости и чести миновали.

Глава четвертая

Имперская эпоха

Основание Китайской империи выглядит в истории не завершением, а увенчанием эры анархии и произвола. Описывая период, простирающийся до царствований, в ходе которых династия Хань прочно закрепилась, исторические рассказы вдохновляются эпическими романами и желчными памфлетами, придающими немного патетики скудным хроникам. Далее они включают официальные документы; их цель, прежде всего, описать дворцовые интриги, или, как говорит Сыма Цянь, «дела семейные». В историях династий стараются судить о достоинствах императоров. Хотя иной раз их авторы и соглашаются, что при некоторых императорах Китай «наслаждался покоем», прежде всего там подчеркивается тот факт, что Высшая добродетель никогда не могла быть восстановлена в ее природном великолепии.

1. Династия Цинь

В 256 до н.э., когда царь Нань из дома Чжоу, лишенный абсолютно всего, умер, не оставив потомства, царство угасло⁵¹. Именно тогда царь удела Цинь захватил династические треножки дома Чжоу.

С 221 г. Китай больше не являлся конфедерацией князей под властью сюзерена-царя и стал империей. Новой организации было суждено продлиться долгие столетия. Однако же основатель империи по почти что единодушному суждению считается худшим из тиранов.

Титул царя князя из дома Цинь приняли еще в 325 г. Именно 325 г. царь Хуэйвэнь рассматривал как начальный. Именно тогда он реформировал установленный порядок жертвоприношений конца года. Но ни он, ни его преемники не думали изменять китайскую организацию. Они ограничивались тем, что преумножали свои победы и расширяли границы своих владений. В 247 г. на престол в Цинь вошел Чжэн. Ему было тринадцать лет. В 221 г.,

совершив блистательные завоевания, он мог объявить, что Китай полностью умиротворен, и потребовать от своих советников, чтобы ему был найден титул «в соответствии с его заслугами». Советники, приняв во внимание, что ныне «законы и распоряжения исходят от одного вождя и что с далекой древности ничего подобного не существовало», предложили титул Верховного августейшего (Тай Хуан). Но сам Чжэн, желая получше отметить, что несет в себе всю Добродетель, характерную для времен, когда царили Трое августейших и Пять суверенов, выбрал себе титул Августейшего Суверена, Хуанди. Он решил, что отныне будет называться Первым Августейшим Сувереном, Ши Хуанди, тогда как его преемники будут должны называться «Вторым», «Третьим» и так далее, до «Тысячного и десятитысячного поколений». Следуя примеру основателей династии Чжоу, он в знак «посмертного почитания» наделил почетным титулом своего предшественника. Установив императорский титул (выражение «хуанди» переводится словом «император»), Ши Хуанди (история обычно называет его Цинь Ши Хуанди в память об уделе, из которого происходил первый император) определил значимые Эмблему и Число династии, которую он основывал. В качестве Числа-эталона он выбрал Шесть, а правил, основываясь на Добродетели стихии Воды. Таким образом был определен и цвет одеяний и знамен. Им стал Черный, соответствовавший Шести и Воде. Официальные головные уборы, а также таблички соглашений насчитывали по шесть вершков. Шесть ступней образовывали один шаг. В запряжке имелось шесть лошадей. Поскольку Вода, Шесть и Черное соответствовали началу строгости, получала направление правительственная политика: все должно было решаться в соответствии с законом и справедливостью, а не в духе доброты и сотворения блага. Так, правительство увязывало свою деятельность с Добродетелью стихии, под знаком которой будут протекать новые времена. Были обновлены Время и Календарь.

Введя новую эру, Августейший Суверен посетил все области своей империи. Он совершил паломничества к святым местам. Но Боги дурно приняли того, кто, управляя на основе принципов, выработанных в эпоху тирании, утверждал, что установит «царство суровости и насилия». «Буря ветра и дождя» встретила Цинь Ши Хуанди на горе Тайшань. Когда он пожелал подняться на гору Сян, божества горы, дочери государя Яо, напустили на него такой силы ветер, что он только с огромным трудом смог пересечь реку Янцзы-цзян. Он приказал трем тысячам осужденных вырубить лес на горе Сян, а саму гору выкрасить в красный цвет, словно преступника. Только тиран осмеливается не склониться перед проявлением воли Неба. И действительно, в Цинь Ши Хуанди не было ничего от добродетели истинного государя: он так и не смог извлечь из реки Сы исчезнувший в ней царский треножник дома Чжоу. По правде говоря, ничего

чудесного не было и в его рождении. Он не был сыном своего законного отца и конечно же не был Сыном Неба. История нам сообщает, что он родился от наложницы, которая вошла в княжеский дом, будучи на втором месяце беременности от своего первого хозяина. Ши Хуанди не знал никакой жалости. Своего природного отца он вынудил покончить самоубийством, а мать преследовал. Более того, он преследовал людей образованных.

Мудрые государи древности, вроде Юя Великого, тело которого служило мерилom расстояний, осуществляли единство Китая мирным распространением своей Добродетели. Цинь Ши Хуанди его добился с помощью грубой силы. Конечно, он открыл свое царствование радостным пиром и, собрав все оружие, отдал его расплавить; однако же он не распределял захваченные драгоценности и земли. Хотя он и сделал единообразными законы и правила, меры веса и меры длины, размеры осей и иероглифы письменности, но лишь для того, чтобы присвоить всю Империю и избежать ее деления на уделы. Будучи самодержцем и революционером, он пренебрегал традицией царей Вэня и У. Вся партия традиционалистов критиковала его нововведения. Как поддерживать порядок без дарованных земель? В 221 г., опираясь на перебежчика Ли Сы, Цинь Ши Хуанди подтвердил свои решения. Однако оппозиция упорствовала. В 213 г. ученый с обширными знаниями вновь повторил подкрепленные прецедентами упреки: «Ваш подданный слышал слова, что царствования домов Инь и Чжоу продолжались более тысячи лет: так было потому, что государи этих династий выделяли уделы своим сыновьям, своим младшим братьям, своим выдающимся подданным, с тем чтобы они становились опорой. Сейчас ваше величество владеет всеми землями в окружении морей, тогда как его сыновья и его младшие братья всего лишь простые подданные... Если в деле не принимается во внимание пример древности, но тем не менее хотят себя увековечить, то, насколько мне известно, это никогда не удавалось».

Со своей стороны Ли Сы приводил доводы в противоположном смысле: «Пять государей никогда не повторяли друг друга, Три царские династии ни в чем не подражали одна другой... ведь времена изменялись. Сейчас ваше величество впервые совершило великое деяние и положило начало славе, которая продлится десять тысяч поколений: именно этого глупые ученые не способны понять. В древности Китай был раздроблен и не знал мира; не нашлось никого, кто был бы способен его объединить; вот почему князья процветали все вместе. В своих речах ученые талдычат о древности, чтобы оболгать современность... Они соблазняют народ преумножать клевету. При таком положении вещей если этому не воспротивиться, то наверху положение государя будет унижено, а внизу укрепится власть сообществ... Я предлагаю, чтобы официальные истории,

кроме хроники царства Цинь, все были сожжены, а те, кто все еще укрывает у себя «Ши цзин», «Шу цзин» и «Речи Ста школ», были принуждены сдать их властям для последующего сожжения». Цинь Ши Хуанди посмел одобрить требование Ли Сы. Он постановил, что все нарушители будут казнены вместе с сородичами. Тем не менее оппозиция традиционалистов не прекращалась. После расследования, «в ходе которого ученые обвиняли друг друга», император приказал для примера казнить из их числа четыреста шестьдесят человек. Произошло это в 212 г.

В 211 г. на метеорите обнаружили такую надпись: «По смерти Ши Хуанди империя распадется». Гений вод вернул императору нефритовое кольцо, которое некогда тот бросил в Янцзы-цзян, чтобы умиловить эту реку. Таким путем Цинь Ши Хуанди узнал, что умрет в том же году. С тем большей настойчивостью продолжал он выискивать разные экзотические средства, на могущество которых надеялся, раз уж боги от него отвернулись. Со времени вступления на престол он построил в Сяньяне пышную резиденцию, в которой были повторены дворцы всех уничтоженных уделов. Там держались женщины из захваченных гаремов, хранились барабаны и бубны побежденных князей. Он перевез в свою столицу самых богатых и самых могущественных людей Империи, числом в 120 тысяч семей. В своем дворце в Шанлине он заставил соорудить мост наподобие того, что переброшен через Млечный Путь и соединяет созвездие Тянь-цзи (вершину Неба, жилище высшего единства Тайи) и Инчжи, являющийся небесным Храмом Очищений. Его двести шестьдесят дворцов соединялись крытыми переходами: император мог там перемещаться, оставаясь невидимым. Было важно, чтобы никто не знал, где точно находится император, и это для того, чтобы он мог вступить в общение с Бессмертными, которые иначе оставались бы недоступными. Ведь Бессмертные появляются только при условии, что не столкнутся со злыми духами: «Богам мешает, если место, где обитает владыка людей, известно его подданным». Император созвал отовсюду великое множество колдунов, чтобы найти эликсир бессмертия. Он желал бы стать Человеком истинным, способным «войти в воду и не намочить, войти в огонь и не обжечься, взмыть на облака и туманы, быть вечным, словно Небо и Земля». Он так и назвал себя сам – «Человек истинный». В 219 г. он отправил многие тысячи юношей и девушек на поиск островов, где обитают Бессмертные. В 211 г. он сам отправился на берег моря. Огромная рыба цзяо помешала его посланцам обнаружить Острова Блаженных. Сначала следовало бы убить рыбу выстрелами из лука. Но никто не обладал подобным могуществом. И вот Цинь Ши Хуанди приснилось, что он сражается с морским псом с головой человека. Он взял лук и стал ждать появления великой рыбы. С вершины святого места Чжифу, где приносились жертвы владыкам Ян и Солнца, он наконец

заметил рыбу. Он пустил стрелу, и рыба была убита. Почти сразу же император заболел и вскоре умер. Это случилось в 210 до н.э.

Тело его было в великой тайне доставлено в столицу, а «чтобы скрыть дурной запах», экипажи кортежа загрузили большим количеством соленой рыбы. Похороны императора стали апофеозом. Они освещались неугасимыми факелами, которые были изготовлены из жира рыбы-человека («жэнь-юй»). Тем временем, пока внизу с помощью механизмов не переставая передвигали к морю реки ртути, изображавшие Синюю и Желтую реки, а наверху были представлены все изображения знаков Неба, могила, обеспеченная всем астрономическим и географическим оборудованием, была выкопана семьястами тысячами осужденных и кастрированных людей до такой глубины, что достигала Подземных источников. После того как туда было внесено тело, там вместе с ним оставили всех устанавливавших механизмы и укрывавших сокровища ремесленников. Более того, за императором в смерти последовали все его жены, у которых не было детей. Так оказались превзойдены жестокости Хэлу и князя Му, предка Цинь Ши Хуанди, о котором было сказано, что «Цинь больше не сможет править на Востоке».

Династия Цинь оказалась уничтожена в 207 г., почти сразу же после смерти своего основателя. В 211 г. советник Ли Сы и евнух Чжао Гао отстранили от наследования трон сына Цинь Ши Хуанди, которого подозревали в верности традициям, и возвели на трон другого сына покойного императора, Хухая, известного под названием Эр Ши Хуанди (второй император). Как и его отец, Эр Ши объехал империю и жил невидимым, так что «звук его голоса не был слышен». Он также множил повинности и казни и царил, не творя добро. Империя восстала. В 208 г. по наговорам Чжао Гао был казнен Ли Сы. Немного погодя после того, как был убит Эр Ши, на царство был призван его племянник Цзыин. Он в 207 г. приказал казнить зловещего монстра Чжао Гао, но сразу же был вынужден сдаться мятежникам в костюме побежденного князя.

Вот непосредственное суждение истории о тех временах: «Цинь Ши Хуанди управлял вселенной, размахивая своим большим кнутом... Он уничтожил князей... и навязал свой закон шести направлениям Пространства. Он действовал плетью и розгой для порки империи. Его могущество заставило трепетать Четыре моря. На Юге князя Ста Юэ, склонив голову, вверили свою судьбу низшим офицерам... На Севере Ху больше не решались спускаться к югу, чтобы пасти своих коней... (Но) Цинь пренебрег примером поведения древних царей и не последовал ему; для того чтобы народ стал глупым, он сжег учения

Ста школ... убил выдающихся людей... (если он и расплавил по всей империи оружие, то ради того, чтобы изготовить) Двенадцать металлических людей и ослабить народ... Он вскармливал низменные и своекорыстные чувства... Из тирании он сделал основание империи... (Если бы он) управлял, следуя принципам древних поколений... беды бы не случилось, хотя один из его наследников и оказался развращен и заносчив». Завоевания Цинь Ши Хуанди едва припоминаются, хотя он расширил пределы империи по всем ее границам, а его имя «внушало ужас чужим народам» даже после его смерти. «Человек с торчащим носом, большими глазами, с грудью хищной птицы и голосом шакала, причем его сердце, лишенное доброты, напоминало сердце тигра или волка... (готового) пожирать людей». В этом сатирическом куплете, состоящем из устоявшихся штампов, заключен единственный портрет основателя их национального единства, который китайцы нам оставили.

2. Династия Хань

За тиранией, увенчавшей феодальную анархию, последовала столь же пагубная анархия. Мятеж начался в стране Чу, одном из самых грозных былых соперников Цинь. Сначала его вождем был человек, «родившийся в доме, где окном служила горловина разбитого горшка, а дверные петли заменяла веревка». Мятеж быстро охватил весь Китай, и с 208 г. большинство крупных феодальных государств было восстановлено. Как только члены династии Цинь были устранены, их победители провели крупный раздел империи. Но вскоре между двумя самыми могущественными вождями, Сян Юем и Лю Баном, вспыхнуло соперничество. Сян Юй изображается мужественным, великодушным и порывистым воином. Лю Бан, напротив, осторожен, хитер, упорен. Сян Юй победил в семидесяти битвах, он и умер в бою, после того как высказал свои сожаления, оплакал жену и любимого коня. Даже в свои последние мгновения не захотел он покаяться в собственных ошибках. Он произнес чудовищное богохульство: «Небо губит меня!» Лю Бан был скромн. В 202 г. он основал династию Хань и после смерти получил имя Гаоцзу, Верховный предок.

Гаоцзу был «добр, дружелюбен и любил прибегать к широким жестам». В начале это был совершенно ничтожный чиновник, презираемый за свою необразованность и бесстыдство. Его удача началась со времени женитьбы на дочери почтенного Лу. Тот сразу же разглядел в нем человека с особым предназначением. Действительно, Гаоцзу «имел красивую бороду, у него был

лоб дракона». Некогда его матери на берегу пруда «приснилось, что она встретила с божеством. В то же мгновение прозвучали удары грома и засверкали молнии... (Прибежавший муж) увидел над своей женой дракона цзяо. После этого приключения она забеременела и родила Гаоцзу». Позднее, когда Гаоцзу спал, над ним появился дракон. Он убил змею, бывшую сыном Белого государя. Тогда все слышали горевавшую старуху, которая причитала, что ее ребенок был убит сыном Красного государя. Над тем местом, где находился Гаоцзу, всегда держался загадочный туман. Обеспокоенный Цинь Ши Хуанди постоянно повторял: «В юго-западном крае есть воплощение Сына Неба!» Но ему никак не удавалось захватить предполагаемого соперника. Гаоцзу был отмечен судьбой. Тщетно Сян Юй одерживал свои семьдесят побед; на левом бедре Гаоцзу имелось семьдесят две черные точки. [Жертвоприношение в память основания династии в прошлом совершалось семьюдесятью двумя государями. К тому же число семьдесят два – это излюбленное братствами число.

За Гаоцзу постоянно следовал отряд преданных ему людей. К нему присоединялись выдающиеся люди, которые становились его советниками и полководцами. «Он умел их использовать и потому овладел империей». «Как только он завоевал и умиротворил пространство между Четырех морей, то сразу же его распределил, выделив уделы всем, кто имел хоть какие-то заслуги, и дав им титулы царей или гунов». Он принял титул императора после того, как три раза его отверг, и исключительно «ради блага государства». Заболев, он решительно отказался от лечения, ибо, сказал он, «Судьба определенно зависит от Неба». После его кончины в 195 до н.э. трон мирно перешел к его сыну. Впрочем, нельзя не заметить, что его царствование было дополнено долгими годами регентства его жены. Она сыграла немалую роль в его возвышении. «Жесткая и непоколебимая» императрица Люй еще при жизни мужа сумела под благовидными предлогами послать на эшафот влиятельных, получивших уделы вождей, которые могли бы взбунтоваться. Став вдовствующей императрицей, она сумела наделить членов своей семьи царскими доменами, дабы уравновесить чрезмерную власть, которой ее муж наделил своих собственных родителей. Она выбирала и свергала номинальных императоров. Она отравляла и приказывала убивать. Свое господство вдовствующая императрица утвердила решительным жестом (рассказ о котором приводится в качестве замечательного примера точности и достоверности, свойственных китайским историкам): она приказала отрубить ступни и ладони «фужэнь» Ци, любимой наложницы Гаоцзу. «Она вырвала ей глаза, сожгла уши, заставила ее выпить снадобье, лишившее ее дара речи, и, бросив в отхожее место, прозвала человеком-форелью». Несколько дней спустя, когда «фужэнь» еще была жива, она показала ее императору, сыну Гаоцзу, который зарыдал и заявил, что больше не хочет

царствовать. После смерти императрицы в 180 до н.э. вспыхнуло острое возмущение против членов ее семейства. Однако это были «семейные дела», империя же наслаждалась спокойствием. Тогда-то на престол взошли императоры Вэнь, цивилизатор, а после него Уди, воин, при которых престиж династии достиг своего апогея.

У императора Вэня (180–157) «имелась одна забота – своей Добродетелью реформировать народ: вот почему вся страна от моря и до моря процветала и благоденствовала благодаря справедливости и обрядам». Он отметил свое царствование многочисленными указами, мотивировки которых вдохновляются древними обычаями и гуманитарными соображениями. О них оповещалось на Совете. Неужели император опасался, что его указы могут счесть продиктованными личными или династическими соображениями? Во всяком случае, он старался представить их так, словно ему их подсказали советники. Но ему принадлежит слава изложения принципа: «Небесный путь («Тянь дао») желает, чтобы беды наступали в результате отвратительных деяний, а процветание приходило благодаря Добродетели. Ошибки всех чиновников не могут не корениться во мне самом». В 167 до н.э. он уничтожил должность тайного заклинателя и запретил применять обряды, с помощью которых ответственность за вину перелagалась на нижестоящих. Кроме того, он запретил «возлагать на его особу все совершенное счастье». Если бы он один пользовался полученным благодаря жертвоприношениям счастьем, а народ не имел своей доли, то это было бы, по его собственным словам, «тяжким проявлением нехватки добродетели». Он щедро одарял богов. Он умел быть смиренным. Подвергшись в 162 до н.э. нападению со стороны сюнну, он признавался: «Я не способен далеко распространять мою добродетель, потому что несовершенен. Из-за этого иногда получается, что внешние по отношению к моей территории страны не знали покоя, а те, кто живет за пределами Четырех пустынных областей, не жили мирно». Войне он предпочитал «союз и породнение». Вынужденный сражаться, он приказывал воинам «не проникать глубоко на территорию врага из опасения насилий над населением». Когда царь из Наньюэ объявил себя императором-воином, он не только не был раздражен, но осыпал подарками братьев царя, «таким способом отвечая благодеяниями. И тогда царь снял с себя титул императора и объявил себя подданным». Некоторые из государственных служащих поддались соблазну коррупции. Вместо того чтобы отдать их под трибунал, император Вэнь послал им денег из собственной казны, чтобы они «сгорели от стыда». Когда империя пострадала от засухи и саранчи, император «приумножил благодеяния... сократил расходы на одеяния... открыл собственные амбары». Себе он выстроил скромную могилу; приказал, чтобы его похороны происходили без пышности. И далекий от того, чтобы потянуть за

собой подданных в могилу, облегчил для них строгость и продолжительность императорского траура.

Император-«цивилизатор» предпринял усилия восстановить в первозданной чистоте Верховную добродетель. Но честь отпраздновать наподобие семидесяти двух древних государей церемонию жертвоприношения «фэн», служащую для провозглашения совершенного успеха династии, выпала императору «воину» Уди (140— 87). Уже с первого года царствования «все чиновничество надеялось, что он заменит первый день года, систему мер и отпразднует жертвоприношение «фэн». [Известно – это утверждается недоброжелательной традицией, – что императору Цинь Ши Ху-анди так же не удавалось совершить жертвоприношение «фэн», как и извлечь изреки Сы – ему мешал ДРАКОН – волшебный КОТЕЛ царских династий.] Император Уди [подобно ПЕРВОМУ ИМПЕРАТОРУ ШиХуанди] победил на Юго-Востоке морские народы, а на Западе – народы степи. [ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР совершал для осмотра империи многочисленные поездки, и, как и он] император Уди много ездил и, подобно ему, в 113 г. отправил экспедицию на поиск Островов Блаженных, где обитают Бессмертные. В 113 г. некая колдунья обнаружила скрытый в земле котел, и официальное расследование установило, что это не было мошенничеством. Император Уди почтительно двигался перед чудесным котлом. И тогда в воздухе появился образовывавший нечто вроде балдахина ЖЕЛТЫЙ СВЕТ. [Некогда Хуанди (ПЕРВЫЙ ГОСУДАРЬ), проведший жизнь в войнах и странствованиях (он отправился на Дальний Восток, где дошел до горы Кунтун), отпраздновав в Юн жертвоприношение «цзяо», нашел стебли магического тысячелистника и КОТЕЛ на треножнике, после чего вознесся к небу на ДРАКОНЕ и стал бессмертным. Его апофеоз происходил в год, когда зимнее солнцестояние пришлось на первый день первого месяца года.] Император Уди, в свой черед, дошел до горы Кунтун и в 113 г. отпраздновал в Юн жертвоприношение «цзяо». В 113 г. зимнее солнцестояние снова пришлось на первый день первого месяца, и в день солнцестояния император Уди совершил жертвоприношение «цзяо» в соответствии с обрядами Юн. Его помощник воскликнул: «Первый день месяца вновь стал первым днем месяца! Цикл исчерпан! Он вновь начинается!» В том же 113 г. император не смог совершить жертвоприношение «фэн», ибо вышла из берегов Река и урожая не было. Это были неблагоприятные знамения. Он совершил его в 110 г. на горе Тайшань в сопровождении только одного офицера. Вскоре этот офицер умер загадочной смертью. Жертвоприношение императора Уди было принято. Во время подготовительных церемоний «ночью появился словно бы свет, а днем белый свет поднялся в середине кургана». В 113 г., в момент жертвоприношения «цзяо», совершаемого в соответствии с обрядами Юн [и в тех же временных условиях, что некогда благоприятствовали ПЕРВОМУ

ГОСУДАРЮ Хуанди, (когда известие о смерти таинственного персонажа пришло одновременно с началом жертвоприношения, подготовившего апофеоз ЖЕЛТОГО ГОСУДАРЯ Хуанди)], «в течение ночи чудесным образом прояснилось, а когда наступил день, к небу поднялось ЖЕЛТОЕ ОБЛАЧКО». Император Уди для совершения жертвоприношения был одет в желтое. Новый календарь не был провозглашен до 104 г. В соответствии с ним был избран династический цвет: им стал желтый.

Летописец и официальный астролог Сыма Тань сам видел в 113 г. появление чудесной ясности и желтого света. Сыма Тань, задумавший создание «Исторических записок», – это отец Сыма Цяня, претворившего его замысел в жизнь и участвовавшего в переделке календаря. Известно, что «Исторические записки» помещают в начале китайской истории Желтого государя, Хуанди. Историк Сыма Цянь, живший в момент, когда и История, и Время начинались вновь, установил методы китайской истории. Все преемники ему подражали. Тот же самый дух не прекращал вдохновлять отбор фактов, способы их изложения, систему философского толкования.

Здесь мы прекратим наш анализ традиционалистской истории. С царствованием императора Уди история возобновляется. Династии основываются, достигают апогея, приходят в упадок, исчезают: история приписывает одинаковые причины одинаковым результатам. «Яо и Шунь жили по Добродетели: их подданные были человечны и доживали до старости. Последний из Ся, последний из Инь творили насилие: их подданные были варварами и умирали преждевременно... Когда цари желают выполнить свой долг, они учатся у Неба принципам своего поведения». Князь держит власть от Неба: история, определяя успехи царей и династий, точно взвешивает их право на царствование. Ее роль судить, какова их добродетель. Основанное на неоспоримых принципах ее суждение объективно: смешиваются суждение и объяснение, ибо история одновременно и нравственность, и материя. Она стремится отметить неотвратимые повторы в последовательных круговоротах. Ей известны только типические герои и единообразные обстоятельства. В сущности, она должна заниматься лишь одним персонажем: государем, Человеком Единственным, добродетель которого знаменательна для определенного момента времени. История не отличается от календаря, украшенного обобщенными картинками. Ведь и родилась-то она из рассуждений над календарем.

Основные данные древней истории

Цинь Ши Хуанди, думавший, что построит все заново, сжег книги по истории. Напротив, цари династии Хань подчеркивали, что хотели бы исходить из почитаемой традиции. Император Уди рисовал свое царствование не как точку отправления, а как возвращение к началу и его повторение. Требовалось доказать, что во всей своей изначальной силе в нем возродилась высшая изначальная. Добродетель. Была проделана работа по религиозной реконструкции. Ее целью было оправдать с помощью нравственных суждений и конкретных наблюдений введение нового календаря. Она сопровождалась напряженным трудом по исторической реконструкции.

Именно в царствование императора Уди официальный летописец и реформатор календаря Сыма Цянь выстроил первую систематическую историю Древнего Китая. С того же царствования начинают с известной точностью проследивать историю считавшихся древними сочинений.

Мы располагаем довольно основательным свидетельством самого Сыма Цяня. Он признает, что в его время из удельных летописей обладали только хрониками царства Цинь. Да и то, уточняет он, «в сокращенной и неполной редакции». Кроме того, Сыма Цянь утверждает, что «если «Ши цзин» и «Шу цзин» и появились вновь, то потому, что в нескольких экземплярах сохранились в частных домах». Бесплезно отмечать, что введенный царями Цинь запрет на книги мог применяться только с 213 по 207 г. и что он был отменен в 197 г.: книги действительно появились только много позднее.

Например, традиция допускает, что часть «Книги преданий» («Шу цзин») была в царствование императора Вэня (180–157) пересказана по памяти девяностолетним старцем. Другие главы якобы были найдены не ранее конца II в., когда сносились стены дома Конфуция. Забавный факт: якобы продиктованные, согласно традиции, главы были, если верить наидревнейшим свидетельствам, восстановлены на основании экземпляра книги, который также долгое время оставался спрятан в стене дома.

Древние труды были записаны лаком на собранных в связки деревянных планках (дощечках). Потребовалось немного лет для того, чтобы связки рассыпались, да к тому же древние иероглифы оказывались трудны для прочтения. Добавим, что в эпоху Цинь характер письменности был изменен.

Сыма Цянь говорит: «У семейства Конфуция (происходившего из Лу в Шаньдуне) был экземпляр «Книги преданий», записанный старыми иероглифами. Кун Аньго (потомок Конфуция) переложил его современными иероглифами».

Мало шансов на то, что переложения и пересказы, в особенности исторических трудов, вдохновлялись исключительно заботой об истине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/grane_marsel/kitayskaya-civilizaciya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)